

Опасный пессимизм

Почему надо отказаться от демонизации роли государства в экономике

Руслан Гринберг, Дмитрий Сорокин

Сегодня все показатели российской экономики словно замерли. Это вызывает что-то похожее на панику как в обществе, так и в коридорах власти.

Осенью прошлого года Минэкономразвития России представило обновленные среднесрочный (до 2016 г.) прогноз и долгосрочный (до 2030 г.) сценарий социально-экономического развития страны. Сам этот факт, безусловно, заслуживает одобрения. Постановка ориентиров на долгосрочную перспективу - исходное условие устойчивого экономического развития. Обеспечивая последовательность государственной экономической политики, они тем самым способствуют росту частнопредпринимательской активности. Однако так происходит лишь в том случае, если задаваемые ориентиры предполагают активные действия власти в целях мобилизации имеющегося потенциала нации на достижение значимых социально-экономических целей.

Об этом свидетельствует исторический опыт и стран - лидеров современного мира (вспомним "новые рубежи" Ф. Рузвельта, стратегию послевоенного возрождения Германии и Японии, нынешний рост Китая, опирающийся на

последовательно осуществляемую долгосрочную стратегию), и отечественный от Петра I до плана ГОЭЛРО и далее. Отвечает ли этому условию сценарий, предложенный минэкономразвития?

31 января 2013 г. на заседании правительства под председательством президента страны рассматривались Основные направления действий на период до 2018 г. В документе, утвержденном по итогам заседания председателем правительства, констатировалось:

"В предстоящий среднесрочный период необходимо обеспечить выход на траекторию устойчивого экономического роста на уровне не менее 5 процентов, провести технологическую модернизацию и модернизацию инфраструктуры, социальных и государственных институтов, отвечающих на вызовы современного мирового развития, сформировать конкурентоспособную и эффективную экономику и на данной основе достичь достойного уровня жизни российских граждан, соответствующего статусу России как одной из ведущих мировых держав XXI века". Одновременно было отмечено, что рост в размере двух-трех процентов в год является критически малым, т. к. в этом случае "не удастся сбалансировать экономические и социальные составляющие развития страны".

Экспертное сообщество в целом разделяло вышеприведенные оценки. Дискуссии шли лишь по поводу того, как обеспечить требуемые темпы роста.

Однако спустя всего лишь 2 месяца после утверждения Основных направлений минэкономразвития предлагает на 2014 - 2016 гг. в качестве базового сценарий, согласно которому среднегодовой темп прироста ВВП составит лишь 3,6%. А в представленных осенью прогнозе и сценарии впервые за все время составления такого рода документов в качестве базовых предложены т. н. консервативные варианты. Согласно им, а также уточнениям в сторону дальнейшего понижения темпов в 2013 и 2014 гг., сделанным минэкономразвития в последние дни прошедшего года, в 2013 - 2018 гг. среднегодовой прирост ВВП должен составить вместо минимальных пяти всего 2,9 процента. Это означает вступление экономики на ту "красную черту", за которой, как сказано в Основных направлениях, начинается разбалансировка экономических и социальных составляющих развития страны, а попросту говоря, движение к полномасштабному кризису.

Прогнозируемое снижение темпов экономического роста неизбежно повлекло пересмотр в сторону снижения и планирующихся будущих доходов бюджета страны. В результате в ходе подготовки бюджета на рассматриваемый период (в соответствии с предложениями прогноза) сокращены расходы бюджетной системы на развитие инфраструктуры, науки, образования и здравоохранения. Трудно усомниться, что составители прогноза, будучи серьезными профессионалами, не представляют, как это скажется в долгосрочном плане на социально-экономическом развитии страны,

особенно учитывая нынешнее состояние сфер, предложенных к "оптимизации".

Тем не менее создается впечатление, что экономические власти по существу смирились со сложившейся ситуацией. Иначе чем объяснить, что вместо поиска путей перелома складывающегося негативного тренда принятый вариант прогноза "предполагает сохранение инерционных трендов, консервативной инвестиционной политики частных компаний и их относительно низкой конкурентоспособности как на внутреннем, так и на внешних рынках, ограниченные расходы на развитие компаний инфраструктурного сектора". Будучи в этой части последовательны, авторы прогноза исходят из того, что до 2016 г. не будут происходить структурные преобразования, опирающиеся на значительное повышение нормы накопления частного капитала, исключаются масштабный чистый приток частного иностранного капитала, значительное улучшение бизнес-климата, смягчение денежной политики в целях обеспечения высоких темпов роста инвестиционного и потребительского кредита при сокращении нормы сбережения домашних хозяйств, резкое расширение государственного спроса и модификация существующих бюджетных правил, хотя по их собственному признанию все это требуется для полномасштабной реализации всех задач, поставленных в указах президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 596-606.

Это неверие в возможность переломить существующий негативный тренд в полной мере было перенесено и в долгосрочный сценарий до 2030 г. При этом отмечается, что обновленный вариант "несколько уступает... показателям консервативного варианта прогноза от марта 2013 года", что связано "с более консервативными гипотезами о повышении конкурентоспособности отечественных предприятий, государственных и частных инвестиций в развитие инфраструктуры, науки и человеческого капитала".

В результате на всем протяжении рассматриваемого периода согласно базовому сценарию среднегодовые темпы прироста ВВП последовательно снижаются до 2,5% в 2021 - 2025 гг. и до 2,1% в 2026 - 2030 гг. При этом все это время они оказываются ниже прогнозируемых темпов роста мировой экономики. Как следствие доля России в общемировом ВВП снижается с 4% в 2012 г. до 3,4% в 2030 г. Сохранит ли Россия при реализации такого сценария свое место в клубе стран с быстро развивающимися рынками и каким вообще окажется ее место на политико-экономической карте мира?

Как бы то ни было, будучи принятым, этот сценарий динамики российской экономики вполне может войти в историю как предвидение неизбежной ее стагнации со всеми вытекающими отсюда социальными и геополитическими последствиями для страны. Излишне говорить о том, как подобный сценарий повлияет на предпринимательскую активность частного сектора, усугубляя тем самым негативные тренды.

Но, может быть, прогнозы минэкономразвития отражают объективную реальность, которая сильнее всех желаемых оптимистических вариантов?

Здесь надо заметить, что пятипроцентный среднегодовой прирост не является чем-то необычным. После кризиса 1990-х в восстановительный период 1999 - 2008 гг. среднегодовой прирост ВВП составлял 6,9%. При этом даже в 2008 г., несмотря на то, что в его последнем квартале начался кризис, - 5,6%. Другой вопрос, что высокие темпы роста 1999 - 2008 гг. были по неоднократно признанию минэкономразвития не менее чем наполовину обеспечены благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой на российский энергосырьевой экспорт. Сегодня же этот ресурс исчерпан. Так что драйвером дальнейшего экономического роста могут быть лишь внутренние источники, и прежде всего с учетом сложившегося долгосрочного тренда сокращения трудовых ресурсов производительность труда. Однако базовый вариант прогноза до 2030 г. предусматривает снижение среднегодовых темпов прироста этого показателя с 3,8% в 2010 - 2013 гг. до 3,6% в 2014 - 2020 гг. и до 2,1% в 2026 - 2030 гг. И это при нынешнем двух-, трехкратном отставании от стран - лидеров современного мира.

Такие пессимистические оценки будущего, предлагаемые минэкономразвития, выглядят вполне резонными, если предположить, что авторы нынешних прогнозов смирились с тем, что провозглашаемые на протяжении минимум последних 10 лет цели модернизации российской экономики не могут быть реализованы. Действительно, согласно приводимым министерством данным ныне около 80% технологического оборудования в реальном секторе экономики имеет срок службы от 16 до 35 лет, в том числе в машиностроении более половины оборудования работает уже свыше 25 лет. Ясно, что наращивать производительность труда, производя при этом конкурентоспособную продукцию на такой технологически отсталой и изношенной основе, невозможно. Казалось бы, в этих

условиях необходим сценарий, предусматривающий ускоренную модернизацию технологической базы экономики, что, конечно, требует наращивания инвестиций в этот сектор. Однако в предложенном базовом варианте прогнозируется "затухание" темпов инвестиций в основной капитал. Видимо, понимая последствия такого варианта, авторы прогноза до 2016 г. оговариваются, что "существует риск, что предполагаемые параметры роста производительности не будут выполнены", и потому "вероятность более сильного замедления экономической динамики (на 0,2 - 0,3 п. п.) превосходит вероятность того, что рост будет сильнее, чем в базовом варианте прогноза".

РФ в 2014 году предсказали негативный сценарий развития экономики

Однако можно поставить вопрос иначе: в чем причина того, что, несмотря на все усилия, направляемые на модернизацию материально-технической базы производства, они не дают сколько-нибудь значимых результатов? Как ни странно, ответ можно найти в документах того же минэкономразвития.

В свое время в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 - 2014 гг. было отмечено: "Развитие российской экономики в период реформ показывает, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологичных производств. Такое положение требует активизации государственного вмешательства в экономику страны и проведения комплексной политики модернизации". В Государственной программе "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" подчеркивается, что еще "в начале 2000-х гг. стало очевидно, что без участия государства в решении ключевых задач инфраструктурного, инвестиционного и инновационного характера промышленность не сможет выйти на необходимый уровень конкурентоспособности" и потому "необходимо выработать государственную промышленную политику, определяющую национальные цели и приоритеты в сфере промышленности, сформировать стратегии развития отраслей промышленности и инструменты их реализации". В той же логике в прогнозе до 2016 г. указывается, что условием его осуществимости в части роста производительности труда является "реализация государственных программ и программ инновационного развития компаний с государственным участием".

Однако на практике на протяжении всего периода экономического роста 2000-х гг. проводилась прямо противоположная политика, ведущая свою родословную из идеологических постулатов 1990-х гг., опирающаяся на иллюзии безоговорочной благотворности механизмов саморегулирования и демонизацию любой государственной экономической деятельности. Неизбежным следствием такого подхода стало использование методов "ручного управления", что, хотя и позволяет решать какие-то частные задачи, но в принципе неспособно перевести экономику в режим сбалансированного устойчивого развития. Более того, одним из результатов "ручного управления" становится избыточное присутствие государства в тех сферах экономики, где оно должно быть сведено к минимуму при явном дефиците государственного участия там, где это действительно необходимо. В сущности, вся наша экономика вынуждена существовать в явно парадоксальной, если не сказать шизофренической среде: государство систематически вмешивается там, где не надо (бюрократический гнет над частным бизнесом), и игнорирует общественные задачи, решать которые может только оно (стратегическое планирование, структурные преобразования, приоритеты диверсификации, социальное выравнивание, активная масштабная поддержка науки, образования, здравоохранения и культуры). При этом у нас нет времени, чтобы дожидаться приемлемого качества государственных институтов, отодвигая на потом решение этих задач. Риск окончательного вползания страны в технологическое захолустье чрезвычайно высок.

Поэтому мы убеждены, что едва ли не единственным инструментом, способным переломить складывающиеся негативные тренды, является осуществление крупномасштабных проектов модернизации инфраструктурной и технологической базы экономики. При этом в сложившихся внутренних и геополитических временных ограничениях инвестиционный маневр должен быть осуществлен в кратчайшие сроки.

Такой быстрый инвестиционный маневр может совершить только государство. Отечественный и мировой опыт показывают, что именно государственные инвестиционные проекты задавали начальный импульс широкомасштабных модернизаций. В этой связи выдвинутая в Послании президента идея о подъеме Сибири и Дальнего Востока как национального приоритета на весь XXI век может стать тем ориентиром, который задаст вектор устойчивого экономического роста.

Однако, чтобы такая политика стала реальностью, необходимо выполнение трех базовых условий.

Первое - отказ от демонизации роли государства в экономике. Необходимо понять, что дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и прекратить в этой связи запугивать самих себя госкапитализмом. В свое время подобная же демонизация рыночных механизмов, когда объективной необходимости их всемерного развития противопоставлялась не экономическая реальность, а идеологемы о несовместимости этих механизмов с сохранением чистоты "социалистических" принципов примата т. н. общественной (а по сути государственной) собственности на средства производства, дорого обошлась советской экономике. Стоит ли сегодня повторять ту же ошибку с теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся экономической реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже "чистоты рынка"? Дискуссии в этой области должны лежать лишь в сфере оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и механизмов контроля целевого использования инвестиций.

Второе - радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного маневра. Суть этого маневра выходит за пределы данной статьи. Здесь следует лишь напомнить, что кризис 2009 г. показал: финансовая "подушка безопасности" позволяет в течение определенного времени не допустить "обвала" финансовой системы и социальных показателей, но она не предотвращает обвального падения производства. Именно отсталость перерабатывающих производств не позволила в 2009 г. компенсировать падение внешнего спроса на энергосырьевые товары увеличением внутреннего, как это произошло в Китае, где стимулирование внутреннего спроса увеличило последний в кризисном году почти на 15%, что позволило обеспечить более чем девятипроцентный прирост ВВП. Сегодня та же отсталость препятствует ускорению экономического роста.

Третье. В силу объективно существующих ограничений государственные проекты могут обеспечить технологические прорывы пусть в очень важных, но лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство должно выполнить исключительно важную роль задания мощного первоначального

инвестиционного импульса модернизации. Обязательным же условием ее успешности является активное участие в этом процессе частнопредпринимательского сектора, который должен "подхватить" и развить этот первоначальный импульс, что требует применения механизмов государственно-частного партнерства.

Однако такого рода партнерство должно опираться не на волевые усилия со стороны государственной власти, а на экономическую заинтересованность в нем некоей критической массы предпринимательского слоя. Без этого усилия государства в данном направлении либо дадут крайне ограниченные результаты для национальной экономики, либо будут использованы зарубежными конкурентами. К сожалению, такого рода интереса у российских предпринимателей сегодня, как правило, нет. И все дело здесь в том, что главным инструментом конкурентной борьбы для отечественных предпринимателей является не технологическая и организационная модернизация, а "крыша" со стороны человека, занимающего ту или иную "государеву должность", на что указывают и сами предприниматели, и признают высшие должностные лица государства.

Перечисленные обстоятельства очень серьезны. В каком-то смысле они приобрели системный характер. Но это не значит, что их нельзя преодолеть. Когда опускает руки население, это плохо. Но еще хуже, когда от решения проблем уходит власть, отдающаяся на произвол текущих событий. Власть должна действовать, и стране необходим иной - оптимистический прогноз, задающий амбициозные цели, опирающиеся на реально работающие механизмы их достижения.

Визитная карточка

Руслан Семенович Гринберг, директор Института экономики РАН - член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор.

Родился в 1946 году. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности "Экономика зарубежных стран", аспирантуру МИНХ им. Г. В. Плеханова. В 1995 г. защитил докторскую диссертацию на тему "Инфляция в постсоциалистических странах", с 1996 г. - профессор, с 2006 года - член-корреспондент РАН. С 2005 года - директор Института экономики РАН.

Сфера научных интересов: экономическая теория, глобализация мирового хозяйства, экономические и политические проблемы

постсоветского пространства, роль государства в современной экономике. По этим темам опубликовано свыше 250 работ. В целом его научные труды выходили в ряде зарубежных стран, в том числе в Великобритании, Польше, Австрии, США и ФРГ. Руслан Гринберг систематически участвует в международных научных конференциях в стране и за рубежом. Он является инициатором и активным членом российско-американской Группы экономических преобразований, председателем Комитета по СНГ Национального инвестиционного совета, главным редактором журнала "Мир перемен", председателем экспертного совета Высшей аттестационной комиссии, президентом российского отделения международной организации "Экономисты за разоружение".

Дмитрий Евгеньевич Сорокин, первый заместитель директора - д.э.н., член-корреспондент РАН, профессор.

Родился в 1946 г. Работает в Институте экономики РАН с 1988 года. С 1998 года - заместитель директора, с 2006 года - первый заместитель директора по научной работе.

Сфера научных интересов: анализ вариантов и альтернатив социально-экономической трансформации российского общества, исследование проблемы институционального реформирования экономической системы России, реформирование отношений собственности, трудовых отношений, реформирование институтов государственного регулирования экономики. Автор и соавтор 70 научных работ. Руководитель и участник ряда международных исследовательских проектов с научными и университетскими центрами Канады, КНР, Польши, Беларуси, Казахстана, Узбекистана. Привлекается в качестве эксперта по различным вопросам экономической политики Госдумой, Советом безопасности, Счетной палатой и другими органами госвласти и управления. Член редколлегии журналов "Вопросы экономики", "Экономическая наука современной России", один из организаторов постоянно действующего "круглого стола" Вольного экономического общества России "Экономический рост России".